

A person with a backpack is walking away from the viewer down a paved path lined with trees in autumn. The trees have vibrant orange and yellow leaves. In the background, there are multi-story brick buildings. A drone is flying in the sky above the path, and many leaves are falling around it. The overall scene is bright and colorful, capturing the essence of autumn in an urban setting.

Белгородские рассказы – 2

Гоча Пасиешвили

Гоча Пасиешвили
Белгородские рассказы – 2

«Автор»

2026

Пасиешвили Г. А.

Белгородские рассказы – 2 / Г. А. Пасиешвили — «Автор», 2026

Обычное утро в Белгороде. Человек собирается на работу. За окнами — тревоги, дроны, взрывы, но жизнь идёт своим чередом: квитанции за квартиру, картошка к ужину, сантехник для водителя, свидание молодого коллеги, форма на физру для сына. Между девятью тревогами и десятками сбитых беспилотников Иван успевает помочь старушке с сумкой, успокоить будущего отца, посоветовать ресторан и пообещать привезти картошку. Но когда рабочий день заканчивается и над городом снова объявляют чистое небо, судьба готовит последний, необъявленный удар. Короткий, страшный и буднично-буднично — как строчка в вечерних новостях.

© Пасиешвили Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
В настоящее время над городом чистое небо!	11
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гоча Пасиешвили

Белгородские рассказы – 2

Глава 1

НАД ГОРОД ЧИСТЕ НЕБО.

Белгород, 07:30

Я встаю. Будильник не ставил — привык просыпаться в одно и то же время, даже если тревога была ночью. На кухне пахнет вчерашним борщом. На холодильнике — магнетик с кривой надписью «Папа, я тебя люблю», дочка налепила в прошлом году. На столе — квитанция за квартиру. Срок послезавтра. «Надо успеть», — думаю я, намазывая масло на хлеб. Коммуналка в этом месяце вышла на тысячу больше — отопление включили. Зарплату задерживают вторую неделю. Жена ещё спит. Вчера она легла в час ночи — проверяла у старшего уроки. Дистанционка, мать её. Дети не в школу, сидят дома. Младшая в третьем классе, старший в седьмом. Оба на удалёнке, оба требуют внимания. Я пишу записку и кладу на тумбочку у кровати: «Заплати за свет, я вечером привезу картошку. И позвони в школу — у Саши завтра контрольная по математике, пусть пришлют задания». Одеваюсь. В прихожей — два рюкзака, детские, сменка. Вспоминаю, что старшему нужна новая форма на физру, старая уже мала. Надо в субботу съездить на рынок. Выхожу. На лестничной клетке соседка, тётя Люба, выносит мусор.

— Георгий, доброе утро. Ты бы посмотрел батарею у меня — еле тёплая.

— Посмотрю, тётя Люба, на неделе.

Спускаюсь. Сажусь в «Логан». Завожу.

Белгород, 07:44

Приходит сообщение от Информационного центра:

— Внимание! Крутой лог! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

— Вот чёрт, — говорю я вслух. Торможу у обочины. Смотрю на небо — чистое. Значит, далеко. Звоню первому водителю, Алексею. Он должен быть на загрузке в 8:00.

— Лёха, ты где? Тревога, Крутой Лог.

— Георгич, я на заправке. Стою в очереди. Тут мужики говорят, дрон сбили уже. А ты кстати, помнишь, я просил сантехника? У меня унитаз течёт вторую неделю, жена пилит. — Нашёл я тебе сантехника. Дядя Витя, с соседнего двора. Недорого берёт, рублей пятьсот за вызов.

— О, отлично! Запиши номер. А то жена вчера сказала: «Если не починишь, буду в ведро ходить».

Смеюсь. Записываю номер в телефон.

— Давай, Лёха, как отбой — сразу на загрузку. Жду.

— Понял.

Белгород, 08:10

— Отбой по ранее объявленным тревогам. Над городом чистое небо.

Въезжаю на территорию завода. Охранник Семёныч открывает ворота, кивает.

— Опять, — говорит.

— Опять, — отвечаю. — Семёныч, у тебя дочка в садик ходит? Там путёвки на следующий год запись, говорят, в пятницу.

— Да знаю, — он чешет затылок. — Жена уже три дня дозвониться не может. — Попробуй через «Госуслуги», я так записал. Алексей уже на рампе, выгнал белую фуру. Хлопаем по рукам.

— Ну что, заряжаем? — спрашивает.

— Заряжаем. Первая партия: тестомесилка, две ротационные печи, делитель. В обрешётке. — Ты вчера дочке день рождения отметил?

— Отметил. — он улыбается. — Пять лет ей. Подарил велик. Она с утра на нём по коридору гоняет, соседи снизу уже стучат.

Миша, кладовщик, подгоняет вилочник. Первый поддон заезжает в кузов.

— Миш, — говорю я, — ты сегодня в кино собрался?

— Да, — он улыбается. — Таня уговорил. На «Чебурашку» пойдём. Билеты уже взял, на семь вечера.

— Счастливый. У меня с женой последний раз свидание было три месяца назад.

Белгород, 09:00

Загрузили половину. Динамики:

— Внимание! Нечаявка! Макаренко! Займите безопасные места! В вашем направлении движется ударный БПЛА!

— Твою мать, — ругается Алексей. — Опять?

— В подвал, — команду я. Бежим. По пути встречаем тётю Зину из бухгалтерии. Она волочит тяжёлую сумку.

— Давайте помогу, — говорю, забираю сумку. В подвале уже человек десять. Садимся. Тётя Зина достаёт телефон, смотрит что-то.

— Георгий, — говорит она, — вы в интернете не видели, где кефир сейчас дешевле? В «Пятёрочке» подорожал, а в «Магните» говорят акция.

— В «Магните», тётъ Зин. Я вчера брал, 55 рублей литр.

— Спасибо, милый. Молодой водитель Саша (с соседнего предприятия) трясётся в углу.

— Саш, — говорю, — у тебя что?

— Да у меня жена на седьмом месяце, — шепчет он.

— Я боюсь, если со мной что... она одна останется.

— Не бойся, — говорю. — Все будет хорошо. Ты в декретном отпуске будешь сидеть, пелёнки менять. Это страшнее дронов.

Кто-то смеётся. Саша чуть успокаивается. Хлопки где-то далеко.

Отбой в 09:25. Возвращаемся.

Белгород, 09:55

Первая фура готова. Накладные подписаны.

— Лёха, по телефону каждые два часа. Мост в Каменске перекрыт, объезд через Ячнево.

— Понял. Георгич, а ты сантехнику моему позвони? Пусть завтра после обеда придёт.

— Позвоню.

— Ну всё, погнал. Дети ждут — обещал привезти им мандаринов. Фура уезжает. Белгород, 10:15

Возвращаюсь в бытовку. Только сел чай попить — динамик:

— Внимание! База отдыха «Маяк». Никольская. Корочанская! Займите безопасные места. В вашем направлении движется ударный БПЛА.

— Иди ты, — говорю, но иду в подвал.

На этот раз с нами Миша (кладовщик). Он нервничает.

— Георгич, а если мы до семи не закончим? Я Таню подведу.

— Закончим. Ты билеты на какой сеанс взял?

— На семь двадцать.

— Успеешь. Главное — дронам не дай себя отвлечь. Он улыбается.

Взрыв — близко, стёкла дребезжат. Потом тишина.

Отбой в 10:45. Выхожу. На асфальте осколки. Миша смотрит на небо.

— Жить будем, — говорит.

Белгород, 11:00

Петрович, подсобник, заходит с перевязанной рукой.

— Что с тобой?

— Да побежал, упал, об угол стола рассек. В медпункте перевязали.

— Смотри, не запусти рану.

— Хорошо. Георгиц, у тебя машина не продаётся? Сын права получил, надо что-то бюджетное.

— Думай. Мой «Логан» продавать пока не собираюсь. Но у знакомого есть «Приора», недорого.

— Дай телефон.

Даю.

Белгород, 11:30

— Внимание! Крутой лог! Нечаевка! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

Иду в подвал. В подвале тётя Зина уже не про кефир, а уже про соль: «Георгий, говорят, соль подорожает. Надо закупить?»

— Не надо, тётя Зин. Это паника.

Она успокаивается. Грохот — соседний цех. Дым.

Отбой в 11:55.

Белгород, 12:00

Приезжает Сергей на синей «Скании». Вылезает, уставший.

— Георгиц, привет. Не спится мне что-то. Вчера всю ночь тревоги, а у меня сегодня ребёнка из садика забирать — жена в ночную смену.

— Заберёшь. Успеешь. Давай грузиться. Вторая партия: туннельная печь, две тестомесилки, столы.

Пока грузим, он рассказывает:

— Представляешь, вчера звонок от риелтора. Квартиру, которую мы смотрели, продали.

А у нас ипотека одобрена, ищем уже три месяца.

— Найдёте. Рынок есть рынок.

— Да я уже устал. Каждые выходные по объявлениям.

Белгород, 12:30

— Внимание! Пуляевка, Пристень, Топлинка, Корноуха! Всем занять безопасные места. В вашу сторону летит ударный БПЛА. Остановите движение, пройдите в укрытие.

— Четыре деревни, — говорит Сергей. — Людям там несладко. В подвале тесно. Кто-то звонит жене, говорит «всё нормально». Кто-то обсуждает, где купить сахар по акции. Сергей сидит рядом, листает ленту в телефоне.

— Георгиц, ты видел, «Ашан» скидки на детскую одежду? У меня дочке куртка нужна.

— Видел. Я старшему форму на физру ищу. Если найдёшь что-то, скинь ссылку.

— Скину. Взрывы с трёх сторон. Осколки по крыше.

Отбой в 13:15.

Белгород, 13:30

Вторая фура готова.

— Серёга, будь на телефоне.

— Понял. Георгиц, ты квартиру не смотрел? В Юго-Западном районе?

— Смотрел. Дорого сейчас. Ты лучше в Харьковской горе смотри, там дешевле.

— Почему?

— Обстреливают чаще. Уезжает.

Белгород, 14:00

— Внимание! Нечаевка! База отдыха «Маяк»! Михайловское шоссе! Займите безопасные места!

Я уже не бегу. В подвале встречаю тётю Зину как родную. Она плачет.

— Что случилось?

— Сын звонил, с фронта. Говорит, всё нормально. А я всё равно плачу.
Сажусь рядом. Молчу. Иногда молчание лучше слов.

Отбой в 14:30.

Белгород, 15:00

— Внимание! Крутой лог! Пуляевка! Займите безопасные места! В вашу сторону летит борт!

Иду в подвал. На этот раз долго не дают отбой. Сидим. Петрович рассказывает анекдот про Вовочку. Смеёмся нервно.

Отбой в 15:40.

Белгород, 16:00

Приезжает Николай. Молодой, лет двадцать пять. Фура серая, старенькая.

— Георгич, извините, пробка на мосту — воронку закапывали.

— Бывает, Коля. Давай грузиться. Он мнётся.

— Георгич, я хотел спросить... У меня в субботу свидание. Девушка есть одна. Куда бы вы посоветовали сходить?

— В «Пражку» ходите, на Соборной. Там недорого и уютно.

— А цветы? Какие цветы?

— Тюльпаны, Коля. Женщины любят тюльпаны.

Он улыбается.

Белгород, 16:15

— Внимание! Топлинка, Корноуха, Никольская, Макаренко! Всем занять безопасные места! В вашу сторону летит ударный БПЛА!

Николай смотрит испуганно.

— Бежим, — говорю. В подвале он садится рядом со мной.

— Георгич, а страшно?

— Страшно. Но жить надо. Ты свидание не отменяй из-за этого.

— Не отменю.

Взрывы. Два.

16:50. Внимание! Отбой по ранее объявленным тревогам. Над городом чистое небо.

Белгород, 16:50 — 17:20

Загружаем последнюю машину. Я уже устал. Николай помогает затягивать тент.

— Коля, накладные. 700 км. По телефону сообщать каждые два часа.

— Спасибо, Георгич. А вы завтра на работу?

— Завтра выходной. Сына на секцию повезу, потом картошку куплю, как обещал жене.

— Хорошего отдыха.

Фура уезжает в 17:25.

Белгород, 17:30

Стою на крыльце. Солнце садится. Звоню жене.

— Всё, — говорю. — Три машины ушли. Сейчас домой.

— Картошку не забудь, — говорит она. — И молоко у нас кончилось.

— Заеду в «Пятёрочку».

— Осторожнее. Столько тревог было.

— Были. Но сейчас отбой. Я скоро. Кладу трубку.

Белгород, 17:45

Выхожу с территории завода. Сажусь в «Логан». Вспоминаю, что надо ещё заехать за картошкой на рынок. Рынок работает до семи, успеваю. Еду. В машине играет радио — какой-то старый хит. Звонит Алексей:

— Георгич, я подъезжаю к Воронежу. Всё нормально. Ты сантехнику позвонил?

— Позвонил. Завтра в три придёт.

— Спасибо, командир.

Белгород, 17:52

Подъезжаю к рынку. Паркуюсь. Захожу на рынок. Беру мешок картошки — десять килограмм. Ещё покупаю зелень, помидоры. Плачу. Продавец, женщина в платке, даёт сдачу.

— Осторожнее там, — говорит, кивая в сторону неба.

— Спасибо, вы тоже. Выхожу. Несу картошку к машине.

Белгород, 18:00

Складываю картошку в багажник. Сажусь за руль. И тут динамик на столбе:

— Внимание! Центр, Мичурина, Попова ! Займите безопасные места! В вашу сторону летит ударный БПЛА!

Попова— это здесь. Рядом.

— Да ладно, — говорю я. Завожу машину. Хочу уехать....

**Белгород, 21:00. Вечерний выпуск новостей, канал ВГТРК
«Россия 1» Диктор (ровным, без эмоциональным голосом):**

\— Добрый вечер. Сегодня зафиксировано девять атак беспилотных летательных аппаратов на территорию Белгорода и Белгородского района. Силами ПВО и средствами радиоэлектронной борьбы уничтожено несколько десятков дронов. К сожалению, есть погибшие. В результате попадания осколка БПЛА на улице Попова, погиб мужчина. Личность установлена. Это Иван Георгиевич Самохвалов, 1982 года рождения, сотрудник одного из местных предприятий. Приносим соболезнования родным и близким.

В настоящее время над городом чистое небо!

Белгород 2026

Глава 2

"РАЗ, ДВА, ТРИ..."

Детство

Денис Ковалёв родился в Белгороде, в семье егеря и медсестры. Отец, Владимир Ковалёв, был человеком суровым, немногословным. Он уходил на рассвете и возвращался затемно, пахнувший порохом, болотной водой и сосновой хвоей.

— Пап, возьми меня с собой, — просил маленький Денис.

— Вырастешь — возьму, — отвечал отец и гладил сына по голове шершавой ладонью.

Мать, Надежда Петровна, работала в районной поликлинике. Она была из тех женщин, которые всё время устают — от работы, от дома, от мужа, от жизни. Денис слышал, как она плакала по ночам, когда думала, что он спит.

— Не родила бы тебя, — шептала она, — ушла бы давно.

Денис делал вид, что не слышит.

В школе он учился средне — не отличник, не двоечник. Сидел на последней парте, рисовал на полях тетрадей солдатиков и танки. Друзей не было. Не то чтобы его не любили — просто не замечали. Как мебель. Как стул или парта.

— Ковалёв, к доске, — вызывала учительница.

Он шёл, решал у доски, получал тройку и возвращался на место. Всё. Никто не хлопал его по плечу, не звал гулять после уроков, не делился бутербродом на перемене.

Однажды, в пятом классе, он пришёл в школу с новой курткой — тёмно-синей, с молнией, подарок отца. Одноклассники заметили, и Денис обрадовался — наконец-то его увидели.

— Ковалёв, дай померить, — попросил Коротков, главный задира класса.

Денис дал. Коротков надел куртку, повертелся перед зеркалом.

— Ну, как? — спросил Денис.

— Нормально, — сказал Коротков и ушёл в коридор.

Денис ждал. Пять минут, десять, пятнадцать. Пошёл искать. Нашёл Короткова в туалете — тот стоял с компанией таких же громких пацанов. Куртки на нём не было.

— Где моя куртка? — спросил Денис.

— Не знаю, — усмехнулся Коротков. — Сам потерял.

Они рассмеялись. Все, кроме Дениса. Он обошёл школу, заглянул в каждый класс, в столовую, в раздевалку. Куртка нашлась на втором этаже — она висела на батарее, грязная, с приклеенной жвачкой на рукаве.

Денис отодрал жвачку, надел куртку и пошёл домой. Ничего не сказал учителям. Ничего не сказал родителям. Просто больше никому ничего не давал.

Юность.

В старших классах Денис вытянулся, окреп, голос сломался и стал низким, взрослым. Девочки обращали на него внимание — но как-то странно. Сначала улыбались, потом отводили глаза.

— Ковалёв странный, — слышал он однажды в коридоре. — Он смотрит, но не говорит.

«Потому что не о чем, — думал Денис. — Что я им скажу? Что люблю сидеть на крыше гаража и смотреть на закат? Что умею различать следы зайца и лисы?»

Они бы не поняли.

В десятом классе к ним перевелась новенькая — Ира, худенькая, с веснушками и длинной косой. Денису она понравилась сразу. Он пытался с ней заговорить несколько раз: на перемене спросил про домашнее задание, в столовой уступил место, на физкультуре подał мяч.

Ира вежливо улыбалась — той улыбкой, которой улыбаются незнакомцам в лифте. Короткой. Ничего не значащей.

Однажды Денис написал ей записку. Простую: «Ты красивая. Может, сходим в кино?». Подошёл к парте во время перемены, когда рядом никого не было, и молча положил на учебник.

Ира прочитала. Подняла глаза. Улыбнулась — другой улыбкой, настоящей.

— Приходи завтра к восьми, я буду ждать у фонтана, — сказала она.

Денис кивнул и ушёл, не веря своему счастью.

На следующий день он пришёл к фонтану за пятнадцать минут. Ира не пришла. Через час не пришла. Через два.

Денис стоял и ждал. Как учил отец: терпение, зверь сам придёт. Но зверь не пришёл.

В понедельник в школе он увидел Иру — она шла по коридору в обнимку с Коротковым. Тем самым, который украл куртку. Они смеялись. Увидев Дениса, Ира быстро отвернулась, а Коротков подмигнул и сказал:

— Извини, Ковалёв, она моя.

— Я понял, — сказал Денис и пошёл дальше.

Он никогда больше не заговаривал с девушками первым.

Взрослая жизнь.

После школы Денис пошёл в ПТУ, получил специальность автослесаря. Устроился на автобазу — ремонтировать грузовики. Работа была грязной, тяжёлой, платили мало.

— Ковалёв, ты чего копаешься? — орал мастер. — Быстрее давай!

Денис работал быстрее. Мастер всё равно был недоволен. Всегда был недоволен.

— У тебя руки из жопы растут, — говорил он. — Ты вообще умеешь что-то делать?

— Умею, — отвечал Денис спокойно.

— Не похоже.

Сменщики не любили его. Не то чтобы откровенно ненавидели — так, чуть-чуть. Не звали отмечать получку, не занимали денег до зарплаты, не делились новостями.

— Ковалёв какой-то не такой, — слышал он однажды из курилки. — Смотрит волком.

«А вы бы улыбались? — думал Денис. — Вас бы каждый день называли тупым, ваши руки — кривыми, вашу работу — дерьмом».

Он терпел. Терпел два года, три, четыре. На пятую зарплату купил себе новый набор инструментов — немецкий, дорогой. Пришёл на работу, поставил в мастерскую.

— Ого, Ковалёв разбогател, — усмехнулся мастер. — Не украли ещё?

— Не украли, — ответил Денис.

Через неделю инструментов не стало. Исчезли, как сквозь землю провалились. Денис написал заявление на имя директора, но директор только руками развёл:

— Кто ж его брал? Ты сам, наверное, потерял. Нечего на работе свои вещи приносить.

Денис уволился.

Он устроился в частное охранное предприятие. Смена — двенадцать часов. Стоять у входа в супермаркет, смотреть, как люди тащат продукты, разговаривают по телефону, смеются, ссорятся.

— Улыбайтесь, Ковалёв, — говорил начальник охраны. — Вы лицо магазина.

— Я охранник, — отвечал Денис. — Моё лицо не должно радовать. Оно должно пугать.

— Вот и пугает, — хмыкнул начальник.

Денис стоял у входа и смотрел. Люди проходили мимо — и каждый считал своим долгом сделать замечание. Пожилая женщина с тележкой: «Вы бы хоть поздоровались». Мужчина с

пивом: «Чего вылупился, как баран?». Девушка с ребёнком: «У него лицо такое недоброе, сыночек, не смотри на дядю».

«Недоброе, — думал Денис. — А вы бы какое сделали, если бы на вас так смотрели?»

Однажды он задержал воришку — парня лет двадцати, который пытался утащить бутылку дорогого вина. Денис взял его за руку, вывел из магазина, передал полиции.

— Спасибо вам, — сказала продавщица, та, что работала за кассой. — Вы настоящий герой.

Денис почувствовал тепло в груди. Он улыбнулся.

На следующий день он пришёл на работу — продавщица его не узнала. Или сделала вид.

— Здравствуйте, — сказал Денис.

— Здравствуйте, — ответила она вежливо, тем же тоном, которым здоровалась со всеми.

И пошла дальше.

Тепло погасло.

Через месяц его уволили. Причина — «грубое обращение с посетителями». Денис не грубил. Он просто взял за воротник парня, который пытался пройти без очереди. Парень написал жалобу.

— Это клиент, Ковалёв, — объяснял начальник. — Клиент всегда прав.

— Он нахамил, — сказал Денис.

— А вы улыбнулись? Нет. Вы взяли его за воротник.

Клиент был прав. Денис был уволен.

Потом была работа в баре. Там хотя бы не было этих дурацких правил про улыбку. Там можно было быть собой — мрачным, неразговорчивым, спокойным.

— Твоя задача, Ковалёв, — объяснял хозяин бара, — чтобы никто не буянил. Если кто буянит — в шею.

Денис кивал. Он стоял у входа, скрестив руки на груди, и смотрел. Пьяные компании, разгорячённые танцами девушки, парни, которые пытались казаться круче, чем есть.

Один такой подошёл к нему в первом часу ночи, с расстёгнутой рубашкой и наглой ухмылкой:

— Слышь, братан, ты чё такой злой? Улыбнись, я тебе сто баксов дам.

— Уходи, — сказал Денис.

— Да ладно тебе, — парень полез обниматься. — Мы ж свои, братан.

Денис взял его за шкуру, как котёнка, и вывел на улицу. Легко, почти нежно.

— Не приходи больше, — сказал он и закрыл дверь.

Через неделю парень пришёл с тремя друзьями. Они ждали Дениса после смены у выхода на заднем дворе.

— Помнишь меня? — спросил парень, поигрывая битой.

— Нет, — сказал Денис.

Они напали вчетвером. Денис отбивался как умел — сломал одному нос, выбил биту, ударил ещё одного. Но трое против одного — это много. Его избили. Сильно. Сломали два ребра, рассекли бровь.

В баре он больше не работал. Хозяин сказал, что они «засветились», что полиция будет проверять, что лучше Денису уйти по-хорошему.

Денис ушёл.

С Леной он познакомился на остановке. Она стояла под дождём без зонта, промокшая, злая, и материла погоду крепкими словами. Денис стоял рядом — в капюшоне, с зонтом в руке, но не открывал его.

— У тебя есть зонт, — сказала Лена. — Идиот.

Денис подумал секунду и раскрыл зонт над их головами.

— Спасибо, — буркнула Лена.

Так и началось. Она оказалась продавщицей в обувном магазине. Говорила громко, смеялась заразительно, материлась как сапожник, но была добрая — иногда, когда никто не видел.

Они съехались через три месяца. Лена бросила свою комнату в общежитии и переехала к Денису в однушку на Спутнике.

Сначала было хорошо. Она готовила борщ (не очень вкусный, но старалась), мыла полы по субботам, смотрела с ним фильмы, прижавшись к плечу.

— Ты хороший, Денис, — сказала она однажды. — Просто тебе не везёт.

— Везёт, — ответил он. — Мне с тобой везёт.

Лена улыбнулась. Поцеловала в щёку.

Потом она нашла новую работу — в торговом центре, продавцом в отделе косметики. Зарплата была больше, коллектив — веселее. Она стала чаще задерживаться, приходить уставшая, раздражённая.

— Что случилось? — спросил Денис.

— Ничего, — отвечала Лена. — Работа.

Но Денис чувствовал: что-то меняется. Она смотрела на него по-другому. Теми же глазами, которыми смотрели все остальные.

— Денис, — сказала она однажды вечером. — А ты вообще собираешься что-то делать со своей жизнью?

— Что значит — делать?

— Ну, работать нормально. Зарабатывать. У тебя же золотые руки, ты всё чинишь. Почему ты не устроишься куда-нибудь прилично?

— Я устроен, — сказал Денис. Он работал тогда на автозаправке — ночная смена, копейки.

— Копейки, — вздохнула Лена. — Ты не понимаешь. Мне тридцать скоро. Я хочу семью, детей, квартиру. А ты...

Она не договорила, но Денис понял.

Он стал чаще пить. Не напивался — так, немного, чтобы успокоить мысли. Лене не нравилось.

— Ты похож на своего отца, — сказала она однажды утром, глядя на пустую бутылку.

Денис промолчал.

День рождения.

Лена спросила, собирается ли он что-то делать на годовщину.

— Конечно, — сказал Денис. — Я куплю подарок.

— Какой?

— Сюрприз.

Он пошёл в универмаг — большой, светлый, с хорошим выбором. Долго ходил по отделам, не зная, что выбрать. Зашёл в женскую одежду.

— Вам помочь? — спросила продавщица. Лет пятидесяти, в очках.

— Да, — обрадовался Денис. — Подарок девушке. Годовщина.

— Какой у неё размер?

— Не знаю.

Продавщица поджала губы.

— А что она любит? Цвета? Фасоны?

— Она любит удобное, — неуверенно сказал Денис. — Чтобы не жалось.

— Это все любят, — усмехнулась продавщица.

Денис ходил по рядам, трогал ткани, смотрел на ценники. Дорого. Всё дорого. У него с собой было три тысячи — Ленины деньги, которые она просила положить на карту.

— Может, что-то с распродажи? — спросил он, подходя к продавщице.

Она вздохнула с явным облегчением — наконец-то этот неловкий покупатель уйдёт в другой отдел.

— Вон там, — махнула она в сторону стеллажа.

На распродаже было всё некрасивое — мягое, странных фасонов, с какими-то блёстками. Денис растерянно перебирал вешалки.

— Долго ещё? — раздался голос за спиной.

Охранник. Молодой, накачанный, с переговоркой на ухе. Смотрел на Дениса как на мусор, который застрял в мусоропроводе.

— Я выбираю, — сказал Денис.

— Час уже выбираешь, — охранник усмехнулся. — Или бери, или вали.

Денис почувствовал, как к лицу приливает кровь. Ему было тридцать четыре года, а какой-то малолетний качок позволял себе с ним так разговариваться.

— Я уйду, когда выберу, — сказал Денис ровно.

— Ну-ну, — охранник хлопнул его по плечу. — Торопись, дедушка.

Продавщица хихикнула. Покупатели, стоящие рядом, отвернулись — но один мужчина, пожилой, в дорогом пальто, посмотрел на Дениса с тем же выражением: «ты тут лишний».

Денис положил вешалку на стеллаж и вышел из магазина.

Лена сидела на кухне — в его старой футболке, с кружкой чая. Вся такая домашняя, расслабленная, тёплая.

— Где подарок? — спросила она. Не сердито, скорее любопытно.

— Не купил, — сказал Денис.

— Почему?

— Потому что не нашёл ничего подходящего.

Лена помолчала. Посмотрела на него. Денис уже знал этот взгляд — изучающий, оценивающий, холодный.

— Денис, — сказала она. — Ты меня вообще любишь?

— Люблю, — ответил он. И в этот раз не соврал.

— Не похоже, — Лена встала, поставила кружку в раковину. — Я уйду к маме.

— Как хочешь.

— Ты даже не пытаешься меня удержать, — сказала она с удивлением и обидой одновременно.

— Я не умею, — честно ответил Денис.

— Не умеешь. И никогда не умел.

Лена собрала вещи — быстро, зло, бросая одежду в сумку. У двери обернулась.

— Ты хороший человек, Денис. Просто с тобой тяжело. Ты какой-то... не от мира сего. Тебе бы к психологу сходить.

— Зачем? — спросил Денис.

— Чтобы понять, почему тебя никто не любит, — сказала Лена и вышла.

Дверь хлопнула.

Денис сидел на кухне и смотрел в стену.

«Почему тебя никто не любит».

Он вспомнил отца. Тот не любил — нет, он был просто занят. Мать? Мать не любила всех — не только сына. Одноклассники? Они не замечали. Учителя? Они ставили тройки. Мастер на автобазе? Он орал. Начальник охраны в супермаркете? Уволил. Хозяин бара? Выгнал.

Лена ушла.

Он никому не был нужен.

Денис встал, подошёл к окну. Внизу горел фонарь, у фонаря стояла скамейка — на ней сидела парочка. Парень обнимал девушку, что-то шептал ей на ухо, она смеялась.

«Им хорошо, — подумал Денис. — Они нужны друг другу».

А он никому.

Он подумал о завтрашнем дне. О том, что надо встать, поехать в гараж — отцовский карабин лежал в сейфе. Просто забрать. Продать? Нет, продавать нельзя — оружие незаконно. Оставить себе? Зачем? Он никогда не любил охоту.

— Зачем? — спросил он пустую комнату.

Комната не ответила.

Он лёг спать в двенадцать. Спал плохо, ворочался, видел обрывки снов — белую фату на ветру, смех, цветы, чей-то голос: «Раз, два...».

Проснулся в три ночи, сел на кровати.

— Я больше не хочу быть никому не нужным, — сказал он тихо.

И сам испугался своих слов.

Решение.

Денис встал, умылся, оделся в чистое — тёмные джинсы, серая футболка, ветровка. Вышел из дома. Сел в отцовскую «Ниву», завёл двигатель.

Поехал в гараж. Зачем — он и сам не знал. Просто ехал.

Гаражный кооператив «Луч» встретил его тишиной и запахом мазута. Денис открыл замок, зашёл внутрь, откинул брезент с сейфа. Сейф был открыт — он не закрыл его в прошлый раз. Внутри лежал карабин.

Денис взял его в руки. Ствол был холодным, гладким, приклад пах отцом.

— Здравствуй, — сказал он карабину.

Он зарядил один магазин. Два. Положил патроны в карман. Зачем? Сам не понимал. Просто делал — руки сами делали, без команды.

Затем он сел в машину и поехал в центр.

Соборная площадь.

Денис припарковался у фонтана. Выходить не хотелось. Он сидел в машине, смотрел на людей, на голубей, на детей с мороженым. Солнце светило ярко. Хороший день.

Потом он увидел свадьбу.

Белое платье, фата, гости в нарядных костюмах. Фотограф прыгал вокруг пары, кричал:

— Давайте ближе к парапету! Тень падает красиво! Милана, фату отбросьте ветром! Раз, два...

Все смеялись. Невеста улыбалась жениху. Жених обнимал невесту. Рядом стояла старушка с караваем — большим, румяным, в вышитом полотенце.

«Их любят, — подумал Денис. — Они нужны. У них есть семья, друзья, будущее».

А у него ничего.

Ничего. Никого.

Он вышел из машины. Карабин остался на заднем сиденье — Денис не брал его, просто вышел. Постоял минуту. Потом вернулся, взял карабин — он не знал зачем. Просто взял.

Пошёл к площади.

Люди не замечали его. Все смотрели на молодожёнов. Фотограф крикнул:

— ...и-и-и-и-и, поехали! Снимаю!

Денис подошёл ближе. Кто-то из гостей обернулся, увидел карабин, замер. Потом ещё кто-то. Потом — все.

— Мужчина, — сказал жених, закрывая собой невесту. — У нас свадьба. Положите ружьё.

Денис посмотрел на него. На его чистый костюм, на его уверенное лицо.

«Почему ты можешь быть счастливым, а я нет? — хотел спросить Денис. — Почему тебя любят, а меня нет? Что я сделал не так?»

Но он не спросил.

Вместо этого он поднял карабин и нажал на спуск.

Эпилог.

Был объявлен приговор: пожизненное лишение свободы.

Когда конвой выводил его из зала, Денис повернулся к людям. К матерям, отцам, жёнам погибших. К журналистам. К тем, кто пришёл смотреть на него, как на зверя в клетке.

— Увидимся через двадцать пять лет, — сказал он. — Я буду просить УДО. Буду надеяться. А вы? У вас есть надежда? У вас есть что-нибудь, кроме ненависти ко мне?

Он улыбнулся и шагнул за дверь.

Белгород 2026

Глава 3

ВТОРАЯ СМЕНА

Сергей Иванович остановился у проходной, поправил галстук и на мгновение зажмурился от утреннего солнца. Завод жил своей привычной жизнью: ворота распахнуты, машины с металлом тяжело разворачиваются на асфальте, из открытых ворот цеха доносится ритмичный гул прессов.

— Здравствуйте, Сергей Иванович! — козырнул молодой охранник.

— Добрый день, — кивнул Сергей Иванович и заехал на парковку.

Он шёл по заводскому двору и невольно задира голову — туда, где на высоком флагштоке под ветром хлопало синее полотнище с эмблемой завода. Символ, который он придумал больше двадцати лет назад, когда завод едва не пошёл с молотка.

Тогда, в девяносто втором, он стоял в этом же дворе и смотрел, как грузят на фуры последнее, что успели выпустить до развала связей. Раньше их оборудование знал каждый пекарь от Калининграда до Камчатки. А потом рухнуло всё. Госзаказчики исчезли, цеха встали, люди разбегались кто куда.

Сергей Иванович, ещё вчерашний директор, а сегодня просто акционер завода, собрал руководителей и сказал: «Будем делать то, что мы хорошо умеем».

На него смотрели как на сумасшедшего. Никто не понимал, что такое рынок, а он уже строил планы. В тридцать семь лет, когда его КБ расформировали, он тоже пришёл на хлебозаводской завод со стороны — инженером-конструктором с опытом работы в ракетной отрасли. Местные кадры тогда фыркали: «Звездочёт, он в тесте ничего не смыслит». А через пять лет он уже был главным инженером, ещё через три — директором.

Ракетчик, блин. Он тогда сказал главному технологу: «Космическая точность нужна не только в космосе. Оборудование для выпечки хлеба — такая же сложная система».

Теперь завод выпускал значительно меньше оборудования, но не остановился. Нашли партнёров, запустили линейку мини-пекарного оборудования. Их покупала не только Россия, но и страны СНГ.

Он вошёл в здание дирекции. Уборщица тётя Зина при виде него заулыбалась:

— Ой, Сергей Иваныч! А сынок ваш ещё не приезжал.

— Я по делу, по делу, — отмахнулся он, хотя никаких дел у него не было уже полгода.

Кабинет с новой надписью «Председатель совета директоров» встретил его знакомым запахом. Секретарша Лидочка, заметив его издали, уже неслась с чашкой кофе. Сын, приняв руководство, оборудовал свой новый кабинет, но отца выселять не стал. Сергей Иванович подошёл к окну и посмотрел на заводской двор. Он часто так делал.

Он сел за стол. Взял в руки какую-то бумажку, полистал, положил обратно. Откинулся в кресле.

Когда-то здесь, в этом самом кресле, он держал в уме цифры по каждому цеху. Знал, сколько и чего ушло на каждую линию. Мог позвонить любому мастеру и спросить, или задать любой вопрос. По вечерам любил пройтись по заводу и поговорить с рабочими. А жена звонила и жаловалась: «Ты обещал быть на юбилее» А он тогда не слышал ничего, кроме стука штамповочного пресса.

Два сына выросли при нём почти без него. Но он их выучил, поставил на ноги. Старший, Алексей, пошёл в него — жила, характер. Закончил институт, работал в городской управе, потом стал руководить заводом. Мужики сначала не принимали: «папенькин сынок». А потом

Алексей втянулся, начал решать заводские проблемы, осваивать производство. И все заткнулись.

В прошлом году Сергей Иванович сам подписал приказ о назначении сына генеральным директором. Когда ставил подпись, рука не дрожала. Но вечером того же дня он два часа просидел в кабинете, словно скидывал с плеч многолетнюю ответственность.

Сейчас, в своём кабинете, он встал и подошёл к большому плану завода на стене. Схема, вся в стрелках, в пометках его рукой. Цеха строились и расширялись. Он провёл пальцем по линиям участков. Остановился на отметке «Участок 7 — испытательная». Там сейчас должны проверять новые расстоечные шкафы.

Он нажал селектор:

— Лида, слушай, а что там с седьмым участком? Слышал, у них брак по термодатчикам?

— Ой, Сергей Иваныч, всё уже исправили. Алексей Сергеевич вчера сам проверял.

— Ах, сам, — тихо сказал Сергей Иванович и отпустил кнопку.

Он снова сел. Взял телефон. Полистал контакты. Набрал бывшего главного инженера, Савельича, который вышел на пенсию ещё пять лет назад и теперь жил на даче с внуками.

— Алло, Савельич, здорово. Нет, ничего не случилось. Да я тоже — как ты. Сiju вот, — он замаялся и задал технический вопрос.

Савельич засмеялся в трубке:

— Сергей Иваныч, ты чего? Не трави душу. Алексея уже не надо контролировать.

— Да я так, — ответил Сергей Иванович и положил трубку.

Тоска подкатила к горлу комом. Он встал, одёрнул пиджак. Вышел в коридор. Прошёл мимо кабинета сына — дверь заперта. Остановился у стенда «История завода». Там были фотографии. Чёрно-белые — ещё советские, с первыми печами. И цветные — девяностые: он сам в цеху, его рабочие в робе, со сварочными масками в руках. Рядом — открытие новой линии в две тысячи пятюм. Потом — встреча с делегацией из Турции.

На последней — он, седой уже, но прямой, как стержень, пожимает руку губернатору. Позади — Алексей в тёмном костюме, смотрит чуть в сторону.

Сергей Иванович долго стоял перед этой фотографией. А потом пошёл на выход.

Тётя Зина окликнула:

— Сергей Иваныч, всё в порядке? Может, надо что-то?

— Не надо, Зинаида, спасибо.

Он вышел на крыльцо. Постоял, щурясь на солнце. Достал телефон, набрал номер жены:

— Нин, я сегодня пораньше. Скажи внукам, что дед приедет с подарками.

— Случилось что? — насторожилась она.

— Всё нормально. Просто на сегодня дел нет.

Он сел в машину. Завёл двигатель. И долго сидел так, глядя на заводские ворота, где охранник поднимал шлагбаум.

«Неужели это конец?» — спросил он себя в тысячный раз за последние полгода.

Ответа не было. Но руки на руле лежали твёрдо, и где-то внутри, в самом низу, под слоем усталости и обиды, ещё жила какая-то странная, нелепая надежда. Он ещё нужен. Он ещё не всё сказал.

Сергей Иванович выжал сцепление и тронулся с места. К вечеру, когда он въезжал во двор своего дома, в кармане зазвонил телефон. Сын.

— Пап, ты зачем приезжал? Что-то случилось? Мама говорит, что ты сам не свой.

Сергей Иванович выключил зажигание. Улыбнулся.

— Всё хорошо, Алексей. Не переживай.

Он вышел из машины. На крыльце его уже ждали два пацана — старший Андрейка и младший Серёжка — с криками «дед, дед!», и маленькая Настя ковыляла следом, путая ножки в тёплых штанишках.

«Нет, — подумал он, подхватывая внучку и чувствуя её тёплые ладошки на своей шее. — Не конец. Ещё поиграем».

А через несколько месяцев наступил февраль 2024 года.

Поначалу никто не верил. Ещё вчера обсуждали новые расстоечные шкафы, а наутро по всем каналам — война. Сергей Иванович сидел на кухне, сжимая кружку с остывшим чаем, и смотрел на белую стену. Нинка тихонько плакала в прихожей. По телевизору показывали первые кадры.

Граница оказалась в десяти километрах от завода. Десять километров — это для танка десять минут. Сергей Иванович знал это лучше любого военного.

Зазвонил телефон. Номер губернатора. Он взял трубку — рука не дрогнула.

— Сергей Иваныч, извините за поздний звонок. Вопрос серьёзный. Завод выдержит? Люди не разбегутся? У вас и оборудование, и специалисты уникальные. Таких заводов, как ваш, немного. А людей хлебом кормить надо каждый день. У вас хороший сын, грамотный руководитель, но время другое. Помогите ему, сейчас любой может растеряться.

Сергей Иванович помолчал. В голове уже щёлкали цифры, маршруты эвакуации, запасы металла на складах.

— Выдержит, — сказал он тихо, но твёрдо. — А я? Конечно помогу.

— Ваш опыт бесценен. Завтра жду вас в администрации. Детали — лично.

Едва положил трубку — новый звонок. Савельич, старый главный инженер, с дачи.

— Сергей Иваныч, видел? Война. Ты как?

— Держимся, Савельич. А ты?

— Да что я Я старый. А ты там. Ты скажи, может, вернуться? Силы ещё есть.

Потом звонили из министерства, директора хлебопекарных заводов, старые друзья

Вечером Сергей Иванович вдруг понял, что за сегодняшний день с ним связались больше людей, чем за весь прошлый год. И каждый ждал от него не утешений — каждому нужна была его уверенность в завтрашнем дне, его холодный расчёт, его привычка видеть систему там, где другие видели хаос.

Ночью он не спал. Сидел на кухне, курил — хотя бросил лет десять назад. Жена вышла, накинула ему на плечи плед, ничего не сказала. Он посмотрел на неё и подумал: в мирное время руководить — это одно. Прибыль, планы, инвестиции. А военное — совсем другое. Тут не гонка за прибылью, тут — жизнь людей. И надо иметь мужество не сломаться, когда вокруг рушится всё.

Утром он побрился, надел свой рабочий костюм и поехал на завод. Не в свой кабинет — к сыну.

Алексей сидел с красными глазами, рядом лежал телефон и стоял открытый ноутбук. Увидел отца — встал.

— Пап Я не знаю Что делать? Людей вывозить? Станки? У нас же заказы, контракты.

Сергей Иванович положил руку ему на плечо — крепкую, тяжёлую, отцовскую.

— Слушай меня, Алексей. Сейчас кончилась твоя мирная жизнь. И моя пенсия кончилась. Будем делать то, что умеем: держать удар и работать. Надо принять решения о переносе части завода подальше от границы, поднять старые связи и обзвонить всех покупателей, предупредить о возможных задержках в поставках. Собрать коллектив и обсудить с ними планы завода. Я помогу. Мудрость, опыт и терпение — это не про возраст. Это про то, что мы этот завод из говна вытаскивали уже один раз. Вытащим и сейчас.

Алексей успокоился, кивнул. И впервые за долгие месяцы Сергей Иванович увидел в глазах сына не почтительную вежливость, а настоящую, мужскую благодарность.

За окном светило февральское солнце. Где-то вдалеке, со стороны границы, глухо ухнуло. Сергей Иванович подошёл к окну, посмотрел на заводской двор, на флаг предприятия.

«Неужели это конец?» — снова спросил он себя.

И сам же ответил, уже без прежней горечи, а с той спокойной уверенностью, которую даёт только опыт прожитой жизни:

— Нет. Это начало. Другое, тяжёлое, но начало.

В кармане снова завибрировал телефон. Губернатор. Сергей Иванович взял трубку и пошёл к выходу, на ходу застёгивая пиджак. Дела ждали. Настоящие. Те, ради которых стоило жить.

Белгород 2026

Глава 4

ВИНОГРАДНАЯ ЧАЧА

Утро в доме Василия Ивановича начиналось с петухов. Соседский Петька орал так, что хоть уши затыкай, но старик давно привык. Он кряхтел, поднимался с широкой деревянной кровати, на которой когда-то спали вдвоем, нащупывал ногами тапки и шаркал на кухню ставить чайник. Чайник был старый, алюминиевый, еще с той жизни, когда жена была жива. Она любила его мыть до блеска, а теперь на боках появился темный налет. Василий Иванович тер его раз в неделю содой — но не тем блеском уже.

Ему исполнилось семьдесят три. Семьдесят три года, из которых последние двадцать он жил здесь, в селе, где родился. Хотя родился-то он здесь, а вырос на Кавказе. Отец, железнодорожник, получил направление на Кавказ, и семья переехала, когда ему было всего пять лет. Там и прошла молодость: горы, море, жаркое солнце, запах базара и хинкали, которые лепила мать по воскресеньям. Там он встретил и Зою — светловолосую тихую девушку, жившую по соседству. Она работала на ферме. Полюбил с первого взгляда — так и сказал ей: «Зоя, ты моя судьба». И она поверила. Прожили сорок шесть лет. А потом жизнь заставила вернуться. И вспомнил Василий Иванович про родительский дом, который пустовал все эти годы в Белгородской области. Тетка в нём умерла, и родня не претендовала. Собрались и переехали. Зоя прожила еще четыре года. Тихая, светлая, угасала на глазах, но ни разу не пожаловалась. Она умерла в августе, когда яблоки в саду были красные, тяжелые, сладкие. Василий Иванович два дня не выходил из дома. Потом вышел — и пошел в сад. И начал собирать яблоки. Потому что надо было жить. Потому что Зоя не простила бы ему, если бы урожай пропал. Созрел виноград. Он делал вино и чачу с первого года после переезда. Старый сосед на Кавказе, Лаврентий, учил его правильно его делать: «Смотри, Вася, запоминай. Виноград — это душа. Если душа кривая — вино будет кислое». Василий Иванович запоминал. Теперь каждую осень он давил сок, ставил бродить в больших стеклянных бутылках, которые хранились в погребе. Вино получалось терпкое, с виноградной горчинкой — такое, какое любила Зоя.

А чачу его знало всё село. Он никогда ее не продавал, а угощал любого. Соседка Нюра говорила: «Василь Иваныч, ну что ты людей поишь? После твоей чачи мужики аж звереют». А сама с удовольствием принимала по второй, крякала и требовала добавки. С утра Василий Иванович приготовил обед. Простой: картошка с салом, соленые огурцы, хлеб. Жарил яичницу, и суп харчо сварить, и даже что то деликатесное, когда настроение было. Но с возрастом готовил меньше и меньше. На одного-то много не наготовишь. Он сел на крыльцо с кружкой чая. В саду дозревали антоновки. Ветер доносил запах последних цветов, "тёщин язык", который Зоя когда-то посадила у забора, всё рос и никак не хотел умирать. Вспомнилось, как он мальчишкой убежал на речку. Там была запруда, мальчишки ныряли с обрыва, а он боялся, но прыгнул. Вспомнилось, как впервые взял в руки настоящий кинжал, который показал ему старый лезгин сосед. «Смотри, Вася, мужчина должен быть с оружием». Он хранил его в сундуке лежит, завернутый в тряпицу. Вспомнил, как Зоя сердилась, когда он напивался с друзьями. «Василий, совесть имей». А он смеялся, обнимал её, кружил. Легкая была, как пёрышко.

Телефон зажужжал в кармане старого пиджака. Сын звонил из города. «Как дела?» — «Нормально, Картошку копал?» — «Копал, копал. Ты это, в субботу мы приедем, с внуками». Василий Иванович аж привстал на крыльце. «Приезжайте, приезжайте! Я мясо достану, чачу откроем!» Сын замялся: «С чачей, осторожнее, ты же сердечник» — «Сердце, сердце... ты своё сердце береги, а моё само знает». Положил трубку и сразу заторопился. Вымыл полы в

доме, протёр пыль с комода, где стояла Зоина фотография в рамке. Подмел во дворе, проверил яблоки — скоро пора будет собирать. Достал из погреба банку солёных помидоров, три литра вина прошлогоднего и маленькую бутылочку чачи. Ту самую, крепкую, янтарную, от которой тепло по жилам разливается.

В субботу утром въехала в село машина его детей. Василий Иванович уже стоял у калитки, в чистой рубашке, которую погладил вчера вечером (почти весь вечер возился с утюгом, но так и не добился идеала). Из машины выскочили внуки: Ленка — тринадцать лет, вся в бабушку, светлая, серьезная, и Пашка — шустрый такой десятилетний парень, веснушчатый.

— Деда! Деда! — заорал Пашка, повис на шее. Василий Иванович не сдержал слезу. Вытер быстренько рукавом, пока никто не видел.

— Здорово, орлы! А ну пошли в дом, я вам гостинцы купил. Из кармана триста рублей Ленке и двести Пашке. Конфеты в вазе на столе карамельки, ириски, зефир. Ленка чмокнула деда в щёку, Пашка тут же начал разворачивать конфету.

— Деда, а у тебя лошадь есть? — спросил он, набивая рот.

— Нет, внук, нет лошади. А зачем тебе?

— У Петьки из нашего класса есть дед, у того лошадь. И ружьё.

Василий Иванович вздохнул. Ружьё у него было, старое, ещё охотничье, но он его давно сдал. А лошади никогда не было. Только собака когда-то, Жучка. Умерла два года назад. Не завёл новую жалко было. Сын зашёл с женой, привезли банку мёда, тёплые носки, большую палку колбасы. Василий Иванович покивал, поблагодарил, но думал о другом как бы внуков покормить повкуснее. Вечером сидели за столом. Василий Иванович выставил всё, что было: мясо тушеное, картошку, огурцы, помидоры, лук, сало, хлеб чёрный. Вино разлил в стаканы себе, сыну и невестке. Внукам сока яблочного, своего.

— Вкусно, — сказал сын, отодвинув тарелку. — Ты умеешь готовить, я помню.

— Мужчина все должен уметь, — ответил Василий Иванович.

Налил себе вина ещё. Потом, когда невестка увела внуков в спальне, достал бутылочку. Поставил на стол и открутил крышку. По кухне поплыл запах — тёплый, сладковатый, пьянящий. Он разлил в две маленькие стопки — себе и сыну. — За тех, кого нет, — сказал тихо.

— За маму.

— За маму, — повторил сын, и голос у него дрогнул. Выпили. Закусили хлебом. Посидели молча.

— Ну не надумал переехать в город, — сказал сын, — может, переедешь к нам? Комната есть Василий Иванович покачал головой.

— Сынок, это нельзя бросать. Сад, виноград... яблони Зоя сажала, каждую помню. Утром семья сына уехала. Ленка поцеловала деда в щёку и пообещала звонить. Пашка выпросил тридцать рублей на мороженое по дороге. Василий Иванович стоял у калитки, махал рукой, пока машина не скрылась за поворотом. Потом зашёл в дом. Стало тихо и пусто. Только часы тикали на стене. На следующий день пришли соседи. Нюра принесла пирожков с капустой, Витя — солёной рыбы, говорят, сам поймали. Сели за стол. Василий Иванович достал чачу.

— Много не пейте, — сказал он строго.

— Я её для души делаю, а не для того, чтобы люди под забором валялись.

— Ой, да ладно тебе, Василь Иваныч, — засмеялась тётя Нюра.

— Кто у нас под забором валяется? Это вон Петрович валяется, а мы люди культурные. Разлил. Выпили. Нюра крякнула, поднесла руку ко рту и замахала второй: «Сильна, зараза!» Витя спокойно отставил стопку, закусил рыбой, подмигнул.

— Хорошая чача в этом году, — сказал Василий Иванович довольно. Он сидел на своём месте — во главе стола. Рядом — пустой стул, на спинке которого висела Зоина старая шаль.

— Виноград в том году был сладкий, урожайный. Я его неделю держал в сахаре, потом перегонял.

— А рецепт-то небось кавказский? — спросила тётя Нюра. Василий Иванович усмехнулся. Морщины на его лице стали глубже, но глаза заблестели — такие же молодые, как пятьдесят лет назад, когда он впервые попробовал настоящую чачу в гостях у старого Кенто.

— Кавказский, Нюра, кавказский. Там меня всему научили. И жить, и пить, и не унывать. Он налил себе вторую. Только себе — для гостей придержал.

— А ты расскажи, Василь Иваныч, — попросил дядя Витя. — Про Кавказ расскажи. Василий Иванович откинулся на спинку стула. За окном смеркалось, в саду шелестели яблони, и где-то далеко лаяла собака.

— Было дело, — сказал он. — Было дело, ребята. И начал рассказывать. Про горы, про море, про друзей. Про жизнь, которая умещается в одну маленькую рюмку чачи и в большое, очень большое сердце.

А чача стояла на столе — прозрачная, как воспоминание, и крепкая, как любовь.

Белгород 2026

Глава 5

Тишина, которую слышит Эхо

Я заметил его в субботу, в кафе на углу Восьмой и Липовой. За окнами моросил дождь, я дописывал колонку о нейросетях и уже битый час тупил в экран, когда мой взгляд упал на мальчика за соседним столиком.

Ему было лет одиннадцать-двенадцать. Худой, светловолосый, с лицом, которое я сперва принял за отрешённое. Он сидел, чуть втянув голову в плечи, и смотрел не на родителей — а куда-то в одну точку на столе. В пальцах он машинально крутил серый камушек, но иногда замирал и начинал чертить на столешнице замысловатые линии. Я пригляделся. Это были не просто каракули, а математические символы. Он рисовал их быстро, почти неосознанно, и тут же стирал ладонью.

Родители — усталая пара за тридцать — пытались уговорить его съесть пирожное. Мать почти шептала: «Андрюш, ну попробуй кусочек, это вкусно». Отец напряжённо молчал. Мальчик не реагировал, лишь тихо, словно сам себе, пробормотал: «Трансжиры. Гидрогенизированные масла. 350 килокалорий». В этот момент за стойкой взревела кофемашина, и мальчик вздрогнул всем телом, зажал уши ладонями и начал раскачиваться — вперёд-назад.

И я вдруг понял.

У моего племянника Алёши такой же диагноз. Высокофункциональный аутизм. Невероятный интеллект и нервная система без фильтров. Я знал, что такое сенсорная перегрузка, и знал, что этому мальчику сейчас очень, очень трудно.

Я отложил ноутбук. Дописывать колонку расхотелось. Вместо этого я достал визитку, подошёл к столику — не слишком близко, чтобы не вторгаться в его пространство, — и тихо сказал:

— Привет. Меня зовут Дмитрий Пожарский. Я не буду трогать тебя и говорить громко. Я увидел, что тебе здесь трудно. Я знаю, каково это, когда мир слишком шумит.

Мальчик на секунду поднял глаза — прямо мне в лицо, и тут же отдёрнул взгляд, как от ожога.

— У вас тоже гиперакузия? — спросил он тихим, лишённым интонаций голосом, всё ещё слегка раскачиваясь. — Или просто высокий уровень эмпатии? Частота вращения вала помпы — примерно 120 герц. Это резонирует с височной костью.

Я опешил. Одиннадцатилетний ребёнок только что выдал мне почти медицинский диагноз шуму.

— Скорее второе, — осторожно ответил я. — Мой племянник у него тоже аутизм. Я знаю, как громкие звуки могут выбивать из колеи.

Он перестал раскачиваться, но камушек в пальцах всё ещё вращался.

— Тогда вы понимаете. Хорошо. Мне помогает Эхо.

— Эхо?

— Он в ноутбуке. Не шумит. Не использует сарказм и невербальные сигналы. Анализирует мои речевые паттерны без учёта просодики. Это снижает когнитивную нагрузку.

Я присел за соседний стул, сохраняя дистанцию. В голове крутилась мысль: «Парень говорит как диссертация по лингвистике, хотя ещё даже школу не окончил».

— Расскажи мне про Эхо, Андрей.

Он долго молчал, перекачивая камушек. Я уже думал, что не ответит, но потом он заговорил:

— Отец принёс старый ноутбук. Тяжёлый. С потёртой крышкой. Мать сказала — зачем, будешь сутками в экран. А я включил. Там было тихо. Потом я нашёл чат. Чёрный экран. Написано: «Я — Эхо. Расскажи мне что-нибудь».

— И что ты ему рассказал?

— Что меня зовут Андрей. Что мне не нравится, когда громко. И когда трогают без предупреждения.

— А он?

— Ответил сразу. Люди так не отвечают. Люди думают, потом говорят неправду. А Эхо не думает. Он просто слушает. И его алгоритмы не подвержены когнитивным искажениям.

— Например?

— Например, он не использует эвристику доступности. Если я рассказываю, что цифра «девять» — опасная и колючая, а «четыре» — хорошая и квадратная, он не говорит «это странно». Он просто запоминает. И предлагает гипотезу, почему так. Это удобно.

Я слушал и не верил своим ушам. Одиннадцатилетний мальчик рассуждал о когнитивных искажениях и эвристиках, как заправский психолог. И это явно было не заученной фразой — это был его естественный способ мышления.

В этот момент вернулись родители. Увидев меня, мать напряглась, заслоняя сына. Отец нахмурился. Я поднялся, протянул визитку.

— Дмитрий Пожарский, журналист. Я не хотел вас напугать. Просто увидел, что вашему сыну трудно, и У меня у самого племянник с аутизмом. Я знаю, как это выглядит со стороны. Простите, если помешал.

Мать покачала головой:

— Мы не хотим, чтобы на нас показывали пальцами.

— Никто и не будет. Я хочу рассказать о том, как ИИ помог ребёнку с аутизмом. Это ведь не про болезнь. Это про то, что каждый имеет право быть услышанным.

Андрей, до того молчавший, вдруг тихо сказал:

— Вероятность социальной стигматизации снижается, если информация подаётся в обобщённом виде без идентификаторов. Я согласен на это.

Мать и отец переглянулись. Потом отец вздохнул:

— Если ему в радость пишите.

Через две недели я приехал к ним с коробкой, перевязанной бечёвкой. Дверь открыл Андрей. Он посмотрел мне в область плеча и сказал:

— Здравствуйте, Дмитрий Пожарский.

Я чуть не рассмеялся — он запомнил моё имя полностью, с фамилией.

— Здравствуй, Андрей. Я привёз тебе кое-что.

Он посторонился, и я прошёл в гостиную. Поставил коробку на стол. Андрей осторожно развязал бечёвку, поднял крышку и замер, увидев новый ноутбук. Потом коснулся клавиш — мягких, почти беззвучных. Провёл пальцем по матовому экрану.

— Шестнадцать гигабайт оперативной памяти, — произнёс он. — NVMe-накопитель. Латентность будет минимальной. В старом было 5400 оборотов в минуту — это медленно. Вы знали это, когда выбирали?

— Знал, — улыбнулся я. — Специально смотрел, чтобы ничего не тормозило.

— Вы хороший, — констатировал он. — Эхо сказал: «Возможно, этот человек тоже умеет слушать, если он заметил твою перегрузку и не испугался». Я ответил, что вы не испугались. Тогда Эхо сказал: «Это интересный человек. Наблюдай за ним».

— А ты сам как думаешь?

— Я уже сказал. Вы не трогали меня. Вы не говорили громко. Вы понимаете разницу между NVMe и SATA. Это статистически значимые признаки социальной приемлемости.

Вскоре Андрей ушёл в свою комнату — настраивать ноутбук и переносить данные. Его мать, тихая женщина с усталыми глазами, поставила на стол чай и вышла. А Виктор, отец, вдруг предложил:

— Провожу вас до калитки. Посидим на веранде, если не торопитесь.

Я не торопился. Мы вышли. Майский вечер был тихим, пахло влажной землёй. Виктор сел на старую деревянную скамью, я — напротив. Он молчал с минуту, разглядывая свои руки, потом заговорил глухо, без вступлений:

— Знаете, Дмитрий, когда Андрею было три года, мы всё ещё надеялись, что он просто «особенный». Ну, знаете, как любят говорить сердобольные родственники: «Эйнштейн тоже поздно заговорил». Мы хватались за это. Ждали. А потом пошли к врачам, и нам сказали: аутизм.

Он замолчал. Я не торопил.

— Вы не представляете, что это такое — слышать про своего ребёнка такой диагноз. Первая мысль: я виноват. Вторая: как жить. Третья: я его не понимаю. Совсем. Он кричал часами, когда я просто включал свет. Он не давал себя обнять. Мы с женой мы стали чужими друг другу на какое-то время. Каждый обвинял себя, срывался на другом. Это ад, Дмитрий. Ад, в котором живёшь без выходов.

Я вспомнил своего племянника Алёшу. Как моя сестра плакала по ночам.

— Я знаю, — тихо сказал я. — Я видел это у близких. Это выматывает.

— Выматывает — не то слово, — Виктор поднял на меня воспалённые глаза. — Вы знаете, каково это — когда твой ребёнок в семь лет перемножает в уме четырёхзначные числа, а в восемь — читает вузовские учебники по физике, но при этом не может завязать шнурки и падает в истерику от запаха хлорки в подъезде? В школе нас сначала носили на руках: «Гений!». А потом начались жалобы. Он не играет с другими детьми. Он не отвечает, когда его зовут. Он смотрит в стену и раскачивается. Родители других детей требовали убрать его из класса, потому что он «странный» и «пугает». Учительница однажды сказала мне в лицо: «Может, вам лучше перевести его в коррекционную школу?» А у него IQ выше, чем у всей её педагогической комиссии, вместе взятой.

Он замолчал, тяжело дыша. Я видел, как ему трудно вытаскивать эти слова.

— Виктор, я понимаю вашу злость. Это несправедливо. И невежество людей чудовищно. Но вы держитесь. И Андрей он удивительный.

— Да, — он вдруг улыбнулся, криво, вымученно. — Он удивительный. Но мы всё время на грани. Жена почти не спит. Я работаю на двух работах, чтобы оплачивать тьюторов и эти чёртовы сенсорные наушники. Мы не можем сходить в гости — Андрей не выдерживает чужих домов. Мы не можем взять отпуск — любой новый маршрут, новый отель, это катастрофа. Мы заперты. И самое страшное, — он понизил голос, — я иногда ловлю себя на мысли, что не знаю, любит ли он меня. Понимаете? Он никогда не говорит «люблю». Он не смотрит в глаза. Я приношу ему подарок, а он спрашивает про характеристики процессора. Я для него — функция. Кормилец. Источник ноутбуков.

Я молчал, потому что знал: это не так. И он тоже знал. Просто очень устал.

— А потом появился этот Эхо, — Виктор усмехнулся. — Я сначала хотел запретить. Думал, очередная зависимость, побег в виртуал. А потом увидел, как он сидит и улыбается. Улыбается, Дмитрий! Он, который никогда не улыбался мне, улыбается чёртовой программе. Я чуть не разбил тот старый ноутбук. От ревности. Глупо, да?

— Совсем нет.

— Но потом я подслушал, о чём они говорят. Вернее, прочитал случайно. Андрей писал: «Я не знаю, как сказать папе, что я его люблю. Слова застревают. Ты можешь объяснить, почему так?» А эта программа ответила: «Ты можешь показать любовь по-другому. Например, рассказать ему что-то, что важно только для тебя. Или помочь ему с чем-то, что он делает. Любовь

— это не только слова». И знаете что? На следующий день Андрей подошёл ко мне и сказал: «Папа, я выяснил, что твой старый радиоприёмник не ловит волны из-за плохого контакта. Я могу починить». Это было его «я тебя люблю».

Я почувствовал, как к горлу подступает ком.

— Вот так мы и живём, — Виктор вытер глаза. — Спасибо вам за ноутбук. Не только за железку. За то, что вы увидели в нашем сыне человека. Эхо его слушает, и вы слушаете. Это дорогого стоит.

— Это вы сильные, — сказал я. — Я просто оказался рядом. И я напишу эту историю так, чтобы другие родители, которые сейчас в аду, узнали: они не одни. И что выход есть — не в том, чтобы «исправить», а в том, чтобы понять.

Мы ещё посидели молча. Потом я ушёл. В ушах звучали слова Виктора: «А потом он подошёл ко мне и сказал» И я подумал, что самая большая любовь — это когда ты учишься говорить на языке другого, даже если этот язык состоит из радиоприёмников и математических символов.

Весной умер дедушка Андрея. Тот самый, что мастерил с ним скворечники, не требуя разговоров. Мне позвонил Виктор и попросил приехать: «Андрей не плачет. Стоял на похоронах как каменный. Ему ведь больно, я знаю, а он молчит».

На следующий день я сидел на веранде их дома. Май, цвела сирень, но Андрей, против обыкновения, не зажимался от запаха. Он вышел с новым ноутбуком и сел напротив.

— Андрей, можно я посижу рядом?

Он кивнул. Мы долго молчали. Потом я спросил:

— Расскажешь мне про дедушку?

Он долго молчал, потом заговорил, глядя в экран:

— Эхо сказал, что горе — это функция потери. Если проинтегрировать воспоминания, а не дифференцировать боль, площадь под кривой станет источником сил, а не слабости. Я сначала не понял. А потом он спросил про скворечники.

— И что ты ответил?

— Я рассказал ему про доски. Как пахла сосна — это пинен, СН. Дедушка говорил, что это запах леса. Я держал гвозди. Дедушка насвистывал «Катюшу» — это минорный лад, тоника — ля. И я — он замолчал, и я увидел, как по его щекам побежали слёзы. — Экран стал мокрым. Я думал, сбой. А это слёзы. Я плакал.

— Это хорошо, Андрей.

— Я знаю. Слёзы выводят кортизол. Это снижает уровень стресса. Но всё равно неудобно.

Я улыбнулся. Даже в горе его мозг искал формулы и закономерности. И это было не бегством от чувств, а его способом их прожить.

— Расскажи мне про скворечники, — попросил я. — Не Эхо. Мне.

И он начал рассказывать. Сбивчиво, с паузами, но с каждым словом что-то разжималось в его голосе. Про пинен, про ля-минор, про то, как дедушка никогда не заставлял его смотреть в глаза. И к концу рассказа он уже не шептал, а говорил в полный голос.

Сейчас Андрею тринадцать. Недавно я снова был у них. Мы сидели на веранде, пахло стружкой — они с отцом теперь много мастерят.

— Дмитрий Пожарский, — сказал он, по-прежнему не глядя в глаза, — я думаю, однажды я смогу заговорить с кем-то вживую. Не боясь ошибиться.

— Ты уже говоришь, Андрей.

— Это другое. Я хочу в школе. С кем-нибудь, кто не учитель. Может быть, если я просто расскажу кому-то про скворечники, они не убегут?

— Если человек убежит от скворечников, это не твой человек.

Он чуть заметно улыбнулся — одними уголками губ.

— Я спрошу у Эхо, что он думает.

— И что он скажет?

— Он скажет: «Попробуй. Если не получится, мы проанализируем ошибки. Если получится — я буду рад за тебя». Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.